

УДК 811.161.1

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТИПА

© В.Г.Фатхутдинова

В статье в этнолингвистическом и лингвокультурологическом аспектах рассматривается словообразовательный тип имен существительных с конкретно-предметным значением, а именно названия русской традиционной посуды и утвари.

Ключевые слова: словообразовательный тип, производное слово, семантика, этнолингвистика, лингвокультурология.

В настоящей статье нами представлены результаты этнолингвистического анализа одного из сложных и многогранных явлений деривационной системы русского языка – словообразовательного типа имен существительных с конкретно-предметным значением. Цель работы – доказать, что словообразовательный тип, будучи важнейшей системообразующей единицей русского словообразования, может аккумулировать в себе национально-специфическую и лингвокультурную информацию, т.е. выполнять мемориативную функцию. Данная функция, по мнению ученых, связана с хранением в грамматических формах, словах и текстах разнообразной информации, которой располагает человечество; сама система языка и его словарный состав выступают в качестве коллективной памяти определенной языковой общности [1: 49].

Традиционно под словообразовательным типом в современном русском языке понимается формально-семантическая схема построения слов определенной части речи, характеризующаяся единством трех компонентов: общностью частеречной принадлежности производящих, общностью частеречной принадлежности производных, одним и тем же словообразовательным формантом и единым словообразовательным значением. В настоящее время словообразовательные типы анализируются и как «когнитивно-дискурсивные категории», что позволяет выявить глубинные связи мотивирующих и мотивированных слов, отражающих логику связей предметов действительности в языковом сознании, проследить реализацию этих отношений в типах и выявить виды словообразовательной семантики [2: 11].

Наиболее частотным и продуктивным средством образования существительных с конкретно-предметным значением в русском языке является суффикс *-ник* для существительных м.р. и суффикс *-ниц(а)* – для существительных ж.р. Из широкого ряда дериватов, образованных при по-

мощи данных словообразовательных средств, в качестве предмета лингвокультурологического анализа нами был выбран класс, на первый взгляд, самых простых, достаточно конкретных и очевидных в семантическом отношении слов – названий сосудов (столовой посуды и различных ёмкостей), отражающих предметно-бытовую сферу русского этноса, а именно слов типа *молочник, салатник, сахарница*. Довольно часто их можно встретить в литературных текстах XIX века, посвященных описанию традиционного русского быта городского и сельского населения: «...Необходимою принадлежностью столового прибора почитались: *солоница, уксусница и перечница*, иногда *горчичница*» [3: 157].

Следует отметить, что названия предметов-вместилищ представлены во всех славянских языках: в украинском: *кашник, рыбник, опарник*; в белорусском: *пясочнік, рыбнік, патроннік*; в польском: *piórnik, tapnik*; в верхнелужицком: *nóžnik, potujnik, popjelnik*; в чешском: *lívanečnik, omeletnik, stribrník*; в словацком: *mliečnik, popolnik, sol'nik*; в словенском: *črnilnik, jušnik, kavnik*; в сербохорватском: *биберник*; в македонском: *зобник* (мешок для овса, от *зоб* – ‘овёс’), *солник, салатник*; в болгарском: *лъжичник, стрелник, пепелник* [4: 85 – 88].

Сфера наименований типичных предметов народного быта, столовых приборов и посуды – кухонной, обеденной и праздничной – безусловно, не может быть ограничена рамками одного или двух словообразовательных типов, поэтому нам представляется целесообразным рассмотреть исследуемые единицы на фоне семантической группы «Посуда. Сосуды. Сервировка» и ее подгруппы «Старинная деревенская, а также вообще принадлежащая старому быту посуда» (см.: [5: 347]). Источниками производной лексики в нашем исследовании послужили словари и различного рода издания, посвященные истории и бытотописанию русского этноса: «Праздники, обряды и обычаи русского народа» М.Забылина, «Быт

русского народа» А.Терещенко и, в частности, «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях» Н.И.Костомарова.

Одной из теоретических посылок нашего анализа стало понятие о динамике словообразовательных процессов естественного языка (см. работы И.С.Улуканова, М.В.Черепанова, О.И.Дмитриевой и др.). По мнению ученых, в собственно лингвистическом аспекте особенно важно разграничить в пределах категории «изменение» два вида преобразования структур: явление синхронного динамизма, характерного для функционирования языка, и явление диахронического динамизма, наблюдаемого в историческом развитии [6: 18]. Для этнолингвистической интерпретации языковых фактов важное значение приобретает, на наш взгляд, диахронический динамизм: изменение состава производных слов в определенных временных рамках. В современной лингвистике неоднократно говорилось о возможности и необходимости описания лингвокультуры в разных аспектах: с точки зрения синхронии мы изучаем проявления лингвокультуры в текущем речемышлении, а с точки зрения диахронии – её формирование в ценностно-смысловом пространстве когнитивно-дискурсивной деятельности человека [7: 66]. Другой теоретической посылкой является концепция о центре и периферии лексического состава словообразовательного типа [8: 26]. В обоих аспектах (синхроническом и диахроническом) лексическим центром словообразовательного типа следует считать прежде всего группу наиболее частотных слов, а периферией – малочастотные, устаревшие, архаичные и диалектные слова. В нашем исследовании в качестве культурологически маркированных единиц выступают устаревшие, вышедшие из употребления, но не потерявшие живой внутренней формы производные слова, которые находятся на периферии исследуемых словообразовательных типов. В русском литературном языке определенного периода они являлись обозначениями типичных предметов народного быта.

По мнению ученых-этнографов, крестьянская традиционная утварь на всей территории расселения русского народа была однотипной. Однако характерной особенностью было изобилие местных терминов, называющих по-разному один и тот же предмет: «Название предмета менялось в зависимости от его использования конкретной хозяйкой: горшок, в котором варили кашу в одном доме, получал название «кашника», тот же горшок, использовавшийся в другом доме для варки похлебки, назывался «щенником». Разны-

ми терминами называлась утварь одного назначения, но изготовленная из разного материала: сосуд, выделанный из глины, – *горшок*, из чугуна – *чугунок*, из меди – *медник* [9: 13]. Так, для обозначения сосуда (чайника) для кипячения воды, а также заварочного чайника в крестьянском обиходе использовалось слово **носатик** (от прилагательного *носатый*) или же **запарник** – ‘чайник заварочный, из фаянса, ставился на самовар’ (от глагола *запаривать*).

В рамках теории деривации специфика языкового мышления тесно связана с понятием внутренней формы слова, поскольку именно она может стать источником национально-культурной информации; ее можно рассматривать как элемент этимологии слова и как показатель живых деривационных связей слова.

Анализ внутренней формы исследуемых лексических единиц позволяет установить, какие признаки и ассоциации кладутся в основу производных наименований. Из названия предмета мы можем узнать, как он выглядел, какой он был формы: **плосковенька** – ‘неглубокая плоская чашка, выполненная из дерева; тарелка; плоская фляга, обвитая берестой, используемая охотниками’; какого был цвета: **зеленик** – ‘бутылка или полуштоф, из зеленого стекла’ (Вятская губ.); **зелёнка** – ‘глиняная чашка, покрытая глазурью зеленого цвета’; из какого материала он обычно изготавливался: **железник** – ‘ковш, изготовленный из железа’ (Новгородская губ.); как был декорирован: **муравлёшка** (муратка) – ‘глиняная чашка, покрытая глазурью (муравой)’; **поливанец** – ‘чаша, миска, глиняная, покрытая поливой (от *полива* – глазурь)’; как использовался в повседневном и праздничном обиходе семьи: **каравайница** – ‘форма для выпечки каравая в виде глиняного сосуда с широким, круглым дном, таким же верхом и прямыми стенками’.

Особый интерес вызывают названия посуды, которая использовалась для подачи кушанья на стол: **рассольница (солонуха)** – ‘блюдо, но глубокое, в нем подавался на стол рассольник – горячая похлёбка, приготовленная на огуречном рассоле, с потрохами, мясом, рыбою, с пряностями, приправами и солеными огурцами’. У Н.И.Костомарова мы встречаем другой вариант названия подобной посуды – **рассольник**; из объяснения автора мы узнаем и о другом его предназначении: «Столовая посуда для пищи и питья носила общее название судков. Жидкое кушанье из поварни для стола носили в кастрюлях и оловянных – медных луженых или оловянных, с покрывниками. Другая посуда для носки жидких кушаньев была *рассольник* (курсив наш. – В.Ф.), также с покрывкою, род соуслика;

он употреблялся также и для соленых плодов» [3: 156]. Другое название посуды – **солило** ‘миска’ – требует специального лингвокультурологического комментария: так в XII веке называлась большая общая миска, из которой ели несколько человек. «При изготовлении кушаньев обыкновенно не употребляли соли, как это делается во многих местах и теперь; но из этого не следует, чтоб русские не любили соленого: это делалось для того, чтобы каждый гость мог брать сколько хотел, и в те времена русские не находили разницы во вкусе того, что посолено во время приготовления кушанья, от того, что солили уже на столе» [3: 186].

Этот ряд культурологически маркированных номинативных единиц можно продолжить: **овощник** – ‘блюдо особой формы, на котором подавались к столу овощи’; **супник** – ‘миска для супа’; **оладница** – ‘миска, в которую складывали оладьи для подачи на стол’ (Псковская, Тверская губ.); **мясник** – ‘блюдо, которое используется для мяса’; **рыбник** – ‘миска из глины, для заливного из рыбы’ (Архангельская губ.).

Однако чаще названия посуды отражали технологию приготовления пищи, а именно конкретные физические действия человека или соответствующие процессы. Так, от глагольных основ были образованы следующие существительные: **крошильница** – ‘блюдо, предназначенное для крошения мяса’ (Ярославская губ.); ср.: **крошонка** – ‘тарелка из дерева для резания говядины’ (Ярославская губ.); **топник** – ‘сосуд для пахтанья и перетапливания коровьего масла, представлял собой глиняный сосуд с широким горлом, круглым в сечении туловом, слегка суживающимся к донцу; при перетапливании топник, наполненный маслом, ставился в хорошо протопленную печь; растопленное масло сливалось в деревянную кадку’; **творило** – ‘сосуд, в котором что-либо растворяли или растирали’. Вот как описывает Н.И.Костомаров процесс изготовления яблочной пастилы: «Яблоки клали в сыту (медовый взвар) и парили, потом протирали сквозь сито, клали патоку и снова запаривали, мешали, били, мяли, потом выкладывали на доску и давали подняться вверх, наконец, складывали в медные, луженые *творила*, давая закиснуть, и опрокидывали вниз» [3: 186].

Среди исследуемых слов выделяются названия предметов, используемых для приготовления теста: **квашня (квашонка)** – ‘посуда для заквашивания теста, глиняная или деревянная’; **квашонка** – ‘деревянная утварь для приготовления простокваши, кваса, замачивания на зиму ягод, заквашивания капусты’; ср. названия других предметов кухонной утвари: **квашенник** –

1. ‘скатерть, кусок холщовой ткани, которым закрывают квашню с тестом при его брожении, чтобы из него не выходила углекислота, участвующая в скисании теста; наряду с квашенником для этой цели используется плотно подогнанная к квашне деревянная крышка; 2. ‘нож, предназначенный для соскабливания теста с квашни’; **квашонник** – ‘веселка’.

Процесс приготовления пищи находит отражение и в номинативных единицах, мотивированных названиями блюд (кушаньев), напитков, а также тех или иных продуктов, используемых для их приготовления: **уксусник** – ‘сосуд для приготовления уксуса’; ср.: **уксусница** – ‘керамический сосуд, иногда на ножках, для хранения и подачи уксуса на стол’; **кисельница** – ‘посуда для киселя, представляет собой чашу или миску на невысоком поддоне с находящимся внутри нее полым цилиндром’; ср. название другого предмета кухонного обихода: **киселёвка** – ‘палка с загнутым концом для размешивания кипящего киселя’ (Псковская, Смоленская губ.); **дроженник** – ‘выдолбленная емкость типа корыта, в которой держали и разводили дрожжи’; **опарник** (опара, опарница) – ‘посуда для подготовки опары и выхаживания теста на пироги, белые булки, блины; представляла собой глиняный сосуд, круглый, с широким горлом и слегка зауживающимся к поддону стенками’; **крупник** (от *крупитчатая мука*) – ‘мелкое деревянное блюдо с ручкой, в котором обваливали и обсыпали тесто мукой перед сажанием хлебов в печь’ (Архангельская губ.).

Таким образом, этнолингвистическая интерпретация словообразовательного типа позволяет выявить в его составе культурологически маркированные лексические единицы, свидетельствующие об идиоэтническом характере деривационно-номинативных процессов. В результате анализа внутренней формы производных слов могут быть установлены и охарактеризованы мотивирующие признаки, которые для представителей русской лингвокультуры на определенном этапе развития языка являлись (или до сих пор являются) коммуникативно и концептуально значимыми.

1. *Виноградов В.С.* Перевод. Романские языки: общие и лексические вопросы. – М.: КДУ, 2009. – 238 с.
2. *Араева Л.А.* Словообразовательный тип. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 272 с.
3. *Костомаров Н.И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. – М.: Республика, 1992. – 303 с.

4. Вендина Т.И. Дифференциация славянских языков по данным словообразования. – М.: Наука, 1990. – 168 с.
5. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Ин-т рус.яз. РАН / под общей ред. Н.Ю.Шведовой. – М.: Азбуковник, 2000. – Том 2. – 674 с.
6. Черепанов М.В. Очерк словообразовательной типологии русского глагола: Монография. – Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2004. – 608 с.
7. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
8. Улукханов И.С. Центр и периферия в лексическом составе словообразовательных типов // Исследования по русскому и славянскому языкознанию. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. – С.26 – 32.
9. Русская изба (Внутреннее пространство, убранство дома, мебель, утварь): Иллюстрированная энциклопедия / авт.-сост. Д.А.Баранов, О.Г.Баранова, Е.Л.Мадлевская и др.; науч. ред. И.И.Шангина. – СПб.: Искусство-СПб, 1999. – 376 с.

ETHNOLINGUISTIC INTERPRETATION OF WORD-BUILDING TYPE

V.G.Fatkhutdinova

The word-building type of Russian nouns with concrete objective meaning, in particular the names of traditional peasants, vessels and utensils, are discussed in the article in ethnolinguistic and linguo-cultural aspects.

Key words: word-building type, derived word, semantics, ethnolinguistics, linguo-cultural studies.

* * * * *

Фатхутдинова Венера Габдулхаковна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики преподавания Института филологии и искусств Казанского федерального университета.

E-mail: favenera@mail.ru

Поступила в редакцию 01.06.2012